

1001 ночь.

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус, ночи 719-729

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус, ночи 730-738

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Ширазе [594] великий царь по имени ас–Сейф–аль–Азам–Шах, и до великих дожил он годов, и не был наделен сыном. И собрал он врачей и лекарей и сказал им: "Мои годы стали велики, и вы знаете, каково мое состояние и состояние царства и его устройство. Я боюсь за участь подданных после меня, ведь до сих пор не досталось мне сына". – "Мы изготовим тебе зелье, от которого будет польза, если захочет Аллах великий", – сказали лекари. И они приготовили для него зелье, и царь употребил его, а затем он пал на свою жену, и она понесла, по изволению Аллаха великого, который говорит вещи: "Будь!" – и она возникает. И когда исполнились ее месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне, и царь назвал его Ардеширом [595], и мальчик рос и развивался и изучал богословие и светские науки, пока не стало ему пятнадцать лет жизни.

А был в Ираке один царь по имени Абд–аль–КаDIR, и была у него дочь, подобная восходящей луне, и звали ее Хайят–ан–Нуфус. И она ненавидела мужчин, и никто не отваживался упоминать о мужчинах в ее присутствии, и сватались к ней у ее отца владыки Хосрои, и говорил с нею ее отец, но девушка отвечала: "Я не сделаю этого никогда, а если ты меня к этому принудишь, я убью себя".

И услышал царевич Ардешир молву о ней и осведомил об этом своего отца, и посмотрел царь на его состояние и пожалел его и пообещал ему, что поможет на ней жениться. А затем он послал своего везиря к отцу девушки, чтобы к ней посвататься, но тот отказал. И когда везирь вернулся от царя Абд–аль–КаDIRа и рассказал, что у него с ним случилось, и осведомил царя Шираза об отказе, царю стало из–за этого тяжело, и он разгневался великим гневом и воскликнул; "Когда подобный мне посылает к кому–нибудь из царей с просьбой, разве тот может ее не исполнить!"

И он велел глашатаю кричать в войсках, чтобы выставили палатки и делали многие приготовления, хотя бы пришлось для этого занять денег на расходы, и воскликнул: "Я не вернусь, пока не разрушу земель Абд–аль–КаDIRа, не перебью его людей, не сотру его следов и не захвачу его имущества!"

И когда дошла весть об этом до сына его Ардешира, он поднялся с постели и вошел к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал: "О царь величайший, не затрудняй себя ничем..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот двадцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда до царевича дошла весть об этом, он вошел к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал ему: "О царь величайший, не затрудняй себя ничем, не собирай богатей и воинов и не расходуй своих денег. Ты сильнее его. Когда ты соберешь против него это войско, которое с тобою, и разрушишь его землю и страну, убьешь его мужей и богатей, захватишь его достояние, и убьешь его самого, дойдет эта весть и о том, что досталось ему и другим изза тебя до его дочери, и она убьет себя, а я умру из–за нее и никогда не буду жить после нее". – "Каков же будет твой замысел, о дитя мое?" – спросил тогда царь. И Ардешир ответил: "Я отправлюсь за тем, что мне нужно, сам и оденусь в одежду купцов и ухитрюсь добраться до девушки, и посмотрю, как удовлетворить мое желание и сблизиться с ней". – "Ты избрал этот замысел?" – спросил его отец. И царевич ответил: "Да, о батюшка".

И тогда царь позвал везиря и сказал ему: "Поезжай с моим сыном, радостью моего сердца, и помогай ему в его намерениях и береги его и направляй твоим верным мнением. Ты будешь ему вместо меня". И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" А потом царь дал своему сыну триста тысяч динаров золотом и дал ему яхонтов, драгоценных камней, золотых изделий, товаров и сокровищ и того, что с этим сходно. И после того юноша вошел к своей матеря и поцеловал ей руки и попросил ее помолиться, и она помолилась за него и тотчас поднялась и, открыв свою казну, вынула для сына сокровища, ожерелья, изделия из золота, одежды, редкости и все то, что сохранялось со времени прежних царей и чего не уравновесить деньгами. И царевич взял с собой невольников, слуг, животных и все, что бывает нужно в пути, со всем прочим, и принял обличье купца, вместе с везирем и теми, кто был с ними, и простился с родителями, родными и близкими. И они поехали, пересекая пустыни и степи в часы ночи и дня.

И когда продлилась для юноши дорога, он произнес такие стихи:

"Влюблен и тоскую я, и боль моя все сильнее,

И нет против злой судьбы мне ныне помощника.

Плеяды я стерегу, взойдут лишь, и ас–Симак [596],

Как будто от крайней страсти стал богомольном я.

За утренней я звездой слежу, а как явится,

Бросаюсь блуждать в тоске, и страсть лишь сильнее моя.

Я вами клянусь! – любовь на ненависть не сменил,

И вечно не спит мой глаз, и страстью охвачен я.

Мне трудно желанного достигнуть, я изнурен,

И мало терпения без вас и помощников.

Я все же терплю, пока Аллах не сведет с тобой,

И ввергнет тем в горести врагов и завистников".

А когда он окончил свои стихи, его ненадолго покрыло беспамятство, и везирь побрызгал на него розовой водой. А когда Ардешир очнулся, он сказал ему: "О царевич, укрепи свою душу – за стойкостью следует облегчение – и вот ты идешь к тому, чего хочешь!" И везирь до тех пор уговаривал царевича и утешал его, пока не успокоил его волнения, и они ускорили ход. Когда же показался путь царевичу долгим, он вспомнил любимую и произнес такие стихи:

"Продлен отдаленья срок, тоска и любовь сильна,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И сердце мое горит в огне пламенеющем.

Седа голова моя – так сильно испытан я

Любовью, и слезы глаз струю текут теперь.

Тебе, о мечта моя, желаний моих предел,

Клянусь я творцом вещей – среди них и листок и ветвь,

Я страстью обременен к тебе, о мечта моя,

Которую вынести не могут влюбленные.

Вы ночь обо мне спросите – ночь вам поведает,

Смежались ли веки глаз дремотой в часы ночей".

А окончив говорить стихи, он заплакал сильным плачем и стал жаловаться на великую страсть, которую он испытывает, и начал везирь его уговаривать и утешать и обещал ему достижение желаемого. И они проехали немного дней и приблизились к Белому городу после восхода солнца, и тогда везирь сказал царевичу: "Радуйся, о царевич, полному благу и посмотри на этот Белый город, к которому ты направляешься". И царевич обрадовался сильной радостью и произнес такие стихи:

"О други мои, влюблен я сердцем, безумен я,

Любовь продолжается, и вечно со мною страсть.

Как друга утративший, не спящий, рыдаю я,

Когда опустилась ночь, нет милостивых в любви,

А если подуют ветры, с вашей земли несясь,

Прохладу я чувствую, на душу сходящую.

И веки мои текут, как тучи, дождь льющие,

И в море излитых слез душа моя плавает",

А достигнув Белого города, они вошли и спросили, где хан купцов и квартал денежных людей. И когда их провели к хану, они поселились там и взяли для себя три амбара и, получив ключи, открыли амбары и внесли туда свои товары и вещи. И они оставались в хане, пока не отдохнули, а потом везирь стал придумывать, как ухитриться в деле царевича..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать первая ночь

Когда же настала семьсот двадцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь и царевич, поселившись в хане, внесли свои товары в амбары и посадили там своих слуг и жили в хане, пока не отдохнули. И потом везирь стал придумывать, как ухитриться в деле царевича, и сказал ему: "Мне кое-что пришло на ум, и я думаю, что в этом будет для тебя благо, если захочет Аллах великий". – "О везирь благого разума, делай то, что пришло тебе на ум, да направит Аллах твое мнение!" – ответил царевич. И везирь сказал: "Я хочу нанять для тебя лавку на рынке торговцев материей, и ты будешь в ней сидеть. Всякому – и знатному и простому – нужен рынок, и я думаю, что, когда ты сядешь и лавке и люди взглянут на тебя глазами, сердца склонятся к тебе, и ты станешь сильнее для достижения желаемого. Ибо образ твой красив, и умы склоняются к тебе, и возвеселятся из-за тебя глаза". – "Делай то, что ты избирешь и хочешь", – сказал царевич, и везирь тотчас же поднялся и надел свое самое роскошное платье, и царевич тоже, и спрятал за пазуху кошель, где была тысяча динаров, и затем они вышли и пошли по городу. И люди смотрели на них и были ошеломлены красотой царевича и говорили: "Слава тому, кто сотворил этого юношу из ничтожной воды! Благословен Аллах, лучший из творцов".

И умножались разговоры о юноше, и люди говорили: "Это не человек, это не кто иной, как вышний ангел" [597]. А некоторые люди говорили: "Наверно отвлекся Ридван, хранитель рая, от райских ворот, и вышел из них этот юноша". И люди следовали за ними на рынок материй, пока они не дошли и не остановились. И тогда подошел к ним старец, внушавший почтение и полный достоинства, и приветствовал их, и когда они ответили на приветствие, он спросил: "О господа, есть ли у вас какая-нибудь нужда, которую мы будем иметь честь исполнить?" – "А кто ты будешь, о старец", спросил везирь. И старец ответил: "Я надзиратель рынка". И тогда везирь сказал: "Знай, о старец, что этот юноша – мой сын, и я желаю взять для него лавку на этом рынке, чтобы он сидел там и учился продавать и покупать, и брать, и отдавать, и усвоил бы свойства купцов". И надзиратель отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

А потом в тот же час и минуту он принес им ключи от одной из лавок и приказал посредникам ее вынести, и те вынесли лавку и почистили ее, а везирь послал принести для лавки высокое кресло, набитое перьями страусов, на котором лежал маленький молитвенный коврик, обшитый "округ червонным золотом, и принес также, подушку, и принес столько товаров и материй из тех, которые прибыли с ним, что они наполнили лавку.

И когда настал следующий день, юноша пришел и отпер лавку и сел на кресло и поставил перед собой двух невольников, одетых в лучшие одежды, а в глубине лавки он поставил двух рабов из прекраснейших абиссинцев.

А везирь наказал юноше скрывать свою тайну от людей, чтобы найти этим помощь для свершения своих дел, и затем он оставил его и отправился в амбары, наказав юноше, чтобы он осведомлял его обо всем, что будет происходить в лавке, день за днем.

И юноша сидел в лавке, подобный луне в ее полноте, и люди прослышали о нем и об его красоте и заходили к нему без нужды, чтобы посмотреть на его красоту и прелесть и стройность его стана, и прославляли Аллаха великого, который сотворил его и соразмерил, и никто не мог пройти по этому рынку из-за чрезмерного скопления людей перед юношей. А царевич осматривался направо и налево, не зная, что ему делать из-за людей, которые были им ошеломлены, и надеялся, что завяжет дружбу с кем-нибудь из приближенных к правителю, и, может быть, это приведет к упоминанию о царской дочери, но не находил к этому пути, и его грудь стеснилась, а везирь каждый день обнадеживал его, что он добьется желаемого.

И царевич провел таким образом очень долгий срок, и когда в один из дней он сидел в лавке, вдруг подошла женщина-старуха, чинная, почтенная и достойная, одетая в одежды праведности, и за нею шли две невольницы, подобные паре лун. И она остановилась возле лавки и некоторое время смотрела на юношу, а затем воскликнула: "Слава тому, кто сотворил это явление и завершил это творение!" И она пожелала юноше мира, и тот возвратил ей приветствие и посадил ее рядом с собою, и старуха спросила: "Из какой ты страны, о прекрасный лицом?" И царевич ответил: "Я из краев индийских, о матушка, и пришел в этот город, чтобы развлечься". – "Да будешь ты почтен среди приходящих!" – воскликнула старуха. И затем она спросила: "Какие есть у тебя товары, вещи и материи? Покажи мне что-нибудь красивое, подходящее для царей". И, услышав ее слова, юноша спросил ее: "Ты хочешь красивого? Я покажу его тебе. У меня есть

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

все вещи, подходящие для их обладателей". – "О дитя мое, – сказала старуха, – я хочу что–нибудь дорогое ценой и красивое видом – самое высокое, что у тебя есть". И юноша воскликнул: "Ты непременно должна меня осведомить, для кого ты требуешь товар, чтобы я показал тебе вещь по сану покупателя!" "Твоя правда, о дитя мое, – сказала старуха. – Я хочу чего–нибудь для моей госпожи Хайят–ан–Нуфус, дочери царя Абд–аль–Кадира, владыки этой земли и царя этой страны". И когда царевич услышал слова старухи, его ум взлетел от радости и сердце его затрепетало. Он протянул руку назад, не приказывая ни рабам, ни невольникам, и, достав кошелек с сотнею динаров, дал его старухе и сказал: "Этот кошелек тебе на стирку одежды". А затем он протянул руку к узлу, вынул из него платье, стоящее десять тысяч динаров или больше, и сказал: "Это часть того, что я привез в вашу землю".

И когда старуха увидела платье, оно ей понравилось, и она спросила: "За сколько продашь это платье, о совершенный качествами?" И царевич ответил: "Бесплатно". И старуха поблагодарила его и повторила вопрос, и царевич воскликнул: "Клянусь Аллахом, я не возьму за него платы! Это подарок тебе от меня, если царевна его не примет, и оно будет тебе от меня в знак гостеприимства. Слава Аллаху, который свел меня с тобою! Если мне когда–нибудь что–нибудь понадобится, я найду в тебе помощницу".

И старуха удивилась этим прекрасным словам и великой щедрости царевича и большому его вежеству и спросила его: "Как твое имя, о господин?" И царевич ответил: "Ардешир". И старуха воскликнула: "Клянусь Аллахом, это имя диковинное, которым называют детей царских, а ты в обличье сыновей купцов!" – "Из любви ко мне назвал меня мой родитель этим именем, и имя ни на что не указывает", – ответил царевич. И старуха удивилась ему и сказала: "О сынок, возьми плату за твой товар", – но царевич поклялся, что ничего не возьмет, и тогда старуха сказала: "О мой любимый, знай, что правда – самая великая вещь, и эти милости, которые ты мне оказываешь, не иначе как из–за дела. Дай же мне узнать твое дело и тайные твои мысли – может быть, у тебя есть в чем–нибудь нужда, и я помогу тебе ее исполнить".

И тогда царевич положил свою руку в руку старухи, и взял с нее обет скрывать тайну, и поведал ей всю свою историю, и рассказал о своей любви к царевне и о том, что с ним из–за нее происходит. И старуха покачала головой и сказала: "Вот она – правда! Но только, о дитя мое, сказали разумные в ходячей пословице: "Если хочешь, чтобы тебя не слушались, проси того, что невозможно". Твое имя, о дитя мое, – купец, и будь у тебя ключи от волшебных кладов, тебя бы не называли иначе, как купцом. Если ты хочешь достичь ступени выше, чем твоя ступень, проси дочери кади или дочери эмира; почему, о дитя мое, ты просишь только дочери царя времени и века? Она девушка невинная, девственная, которая ничего не знает о мирских делах и в жизни не видела ничего, кроме дворца, где она находится, но, при малых своих годах, она умная, разумная, острая, понятливая, с превосходным разумом, благими поступками и проницательным мнением. Ее отцу досталась только она, и она для него дороже души. Он каждый день приходит к ней и желает ей доброго утра, и все, кто есть во дворце, ее боятся. Не думай же, о дитя мое, что кто–нибудь может заговорить с ней о чем–нибудь из этого, и нет для меня к этому пути. Клянусь Аллахом, о дитя мое, мое сердце и мои члены любят тебя, и я бы хотела, чтобы ты с ней остался. Я научу тебя кое–чему, может быть, Аллах сделает это исцелением твоего сердца; я подвергну опасности мою душу и мое достояние, чтобы исполнить твою нужду". – "А что это такое, о матушка?" – спросил царевич. И старуха ответила: "Проси у меня дочь везирия или дочь эмира. Если ты у меня этого попросишь, я соглашусь на твою просьбу, – ведь никто не может подняться с земли на небо одним прыжком". И юноша ответил старухе разумно и вежливо: "О матушка, ты женщина умная и знаешь, как происходят дела. Разве человек, когда у него болит голова, перевязывает себе руку?" "Нет, клянусь Аллахом, о дитя мое", – отвечала старуха.

И Ардешир сказал: "Также и мое сердце не просит никого, кроме нее, и меня убивает одна лишь любовь к ней. Клянусь Аллахом, я буду в числе погибающих, если не найду себе наставления и помощи! Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющихся слез..." И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать вторая ночь

Когда же настала семьсот двадцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ардешир, сын царя, сказал старухе: "Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющихся слез". И старуха ответила: "Клянусь Аллахом, о дитя мое, мое сердце разрывается из–за твоих слов, и нет у меня в руках хитрости, чтобы ее устроить". "Я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне и поцеловала ей за меня руки", – сказал Ардешир. И старуха сжалилась над ним и молвила: "Пиши на нем что хочешь, а я доставлю его царевне".

И когда юноша услышал это, он едва не взлетел от радости и, потребовав чернильницу и бумагу, написал девушке такие стихи:

"Будь ты щедрой, о жизнь души [598], на сближенье

Со влюбленным, растаявшим от разлуки.

В наслаждение я раньше жил, жил прекрасно,

Но сегодня взволнован я и растеряй.

Не покинут бессонницей во всю ночь я,

Развлекает всю ночь меня только горе.

Пожалей же влюбленного, что горюет

И тоскою разъедены его веки.

А наступит рассвет, когда в самом деле

Опьяненным найдет его влагой страсти".

А окончив писать письмо, Ардешир свернул его и поцеловал и отдал старухе, и затем он протянул руку к сундуку и, вынув другой кошелек с сотней динаров, подал его женщине и сказал: "Раздай это невольницам". Но старуха отказалась и воскликнула: "Клянусь Аллахом, о дитя мое, я с тобою не из–за чего–нибудь такого!" И юноша поблагодарил ее и сказал: "Это обязательно!" И старуха взяла у него кошелек и поцеловала ему руки и ушла.

И она вошла к царевне и сказала: "О госпожа, я принесла тебе что–то, чего нет у жителей нашего города, и оно от красивого юноши, лучше которого нет на лице земли". – "О няня, а откуда этот юноша?" – спросила царевна. И старуха сказала: "Он из краев индийских, и он дал мне эту одежду, шитую золотом, украшенную жемчугом и драгоценностями, которая стоит царства Кисры и Кесаря". И когда она развернула эту одежду, дворец осветился из–за нее, так она была хорошо сделана и так много было на ней камней и яхонтов, и стали дивиться на нее все, кто был во дворце, и царевна посмотрела на нее и не нашла за нее цены или платы, кроме подати с земли царства ее отца за целый год".

"О нянюшка, – спросила она старуху, – это платье – от него или не от него?" – "Оно от него", – ответила старуха. И девушка молвила: "О няня, этот купец – из нашего города или иноземец?" – "Он иноземец, о госпожа, и поселился в нашем городе только недавно, – ответила старуха. – Клянусь Аллахом, у него есть слуги и челядь, и он прекрасен лицом, строен станом и благороден по качествам, с широкою грудью, и я не видела никого лучше, разве кроме тебя". – "Поистине, это удивительно! – сказала царевна. Как может быть такая одежда, цены которой не покрыть деньгами, у купца из купцов? А каков размер платы за нее, о которой он тебе говорил, о нянюшка?" – "О госпожа, – ответила старуха, – он не говорил мне о плате, а только сказал: "Я не возьму за нее платы, и эта одежда – подарок от меня царевне: она никому не подходит, кроме нее". И он отдал назад золою, которое ты со мной послала, и поклялся, что не возьмет ею, и сказал: "Оно твое, если царевна его не примет". – "Клянусь Аллахом, это большое великодушие и великая щедрость, и я боюсь, что исход этого дела приведет к беде, – сказала царевна. – Почему ты не спросила его, о нянюшка, нет ли у него в чем–нибудь нужды, чтобы мы ему исполнили ее?" – "О

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

госпожа, ответила старуха, – я спрашивала его и говорила: "Есть у тебя нужда?" И он сказал: "У меня есть нужда", – но не осведомил меня о ней и только дал мне этот листок и сказал: "Передай его царевне".

И девушка взяла у старухи листок и развернула его и прочитала до конца, и изменился ее вид, и исчезло ее разумение, и пожелтел цвет ее лица, и она сказала старухе: "Горе тебе, о няня, как зовут этого пса, который говорит такие слова царской дочери, и какая связь между мною и этим псом, что он мне пишет. Клянусь великим Аллахом, владыкой Земзема [599] и аль-Хатыма [600], если бы я не боялась Аллаха, – велик он! – я бы послала к этому псу, чтобы связать ему руки, вырвать ноздри и отрезать нос и уши, и изуродовала бы его, а потом распяла бы на воротах рынка, в котором находится его лавка".

И когда старуха услышала эти слова, цвет ее лица пожелтел, и у нее задрожали поджилки, и оцепенел язык, но потом она укрепила свое сердце и сказала: "Добро, о госпожа! А что же такое в этом листке, что он тебя так взволновал? Разве там не прошение, которое купец подал тебе, жалуясь на свое положение из-за бедности или несправедливости и надеясь на милость от тебя или раскрытие обиды?" – "Нет, клянусь Аллахом, о нянюшка, – ответила царевна, – наоборот, это стихи и бесчестные слова. Этот пес, о нянюшка, видно пребывает в одном из трех положений. Либо это бесноватый, у которого нет разума, и он стремится к убиению своей души, либо ему в его нужде оказывает помощь человек с большою силою и великой властью, либо он услышал, что я – одна из блудниц этого города, которые ночуют у того, кто их позовет, одну ночь или две, – он ведь посылает мне бесчестные стихи, чтобы смутить этим мой разум". – "Клянусь Аллахом, о госпожа, ты права! – сказала старуха. – Но не занимай себя этим глупым псом. Ты живешь в своем дворце, высоком, возвышенном и неприступном, до которого не поднимаются птицы и не пролетает над ним воздух, смущенный его высотой. Напиши ему письмо и выбрани его, не оставляя ни одного из способов брани, угрожай ему крайними угрозами и предложи ему смерть. Скажи ему: "Откуда ты меня знаешь, что пишешь мне, о пес из купцов, о тот, кто весь век мечется в степях и пустынях для наживы дирхема или динара? Клянусь Аллахом, если ты не проснешься от сна и не очнешься от опьянения, я распну тебя на воротах рынка, где находится твоя лавка!" "Я боюсь, что, если я напишу ему, он на меня позарится", – отвечала царевна, и старуха воскликнула: "А каков его сан и какова его степень, чтобы он на нас позарился! Мы напишем ему только для того, чтобы пресеклось его желание и усилился его страх".

И она до тех пор хитрила с царевной, пока та не приказала принести чернильницу и бумагу и не написала юноше такие стихи:

"О ты, притязавший на страсть и тоску, без сна

Ночами страдающий в мечтах и волнении,

Ты требуешь о" луны, обманутый, близости,

Но разве получит кто желанное от луны?

Тебя я наставила словами, так слушай же:

Брось это! Поистине меж смертью ты и бедой!

И если вернешься вновь ты к просьбам, поистине

Постигнет тебя мученье очень жестокое.

Разумным будь, вежливым, догадливым, сведущим!

Тебе я совет дала в стихах и речах моих.

Клянусь сотворившим я все вещи из ничего,

Лик неба украсившим блестящими звездами,

Коль вновь возвратишься ты к словам, тобой сказанным,

Тебя на стволе распну я крепкого дерева!"

И потом она свернула письмо и отдала его старухе, и та взяла его и пошла и, придя к лавке юноши, отдала ему письмо..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать третья ночь

Когда же настала семьсот двадцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха взяла письмо у Хайят-ан-Нуфус и шла, пока не отдала его юноше, который был у себя в лавке. "Читай ответ, – сказала она ему, – и знай, что, когда царевна прочитала письмо, она разгневалась великим гневом, и я смягчала ее разговорами, пока она не дала тебе ответа". И юноша с радостью взял письмо, и прочитал его, и понял его смысл, а окончив чтение, он заплакал сильным плачем, и сердце старухи заболело, и она воскликнула: "О дитя мое, да не заставит Аллах плакать твои глаза и да не опечалит твое сердце! Что может быть мягче, чем ответить на твое письмо, раз ты совершил такие поступки?" – "О матушка" а какую мне сделать хитрость, тоньше этой, раз она присылает мне угрозы убить меня и распять и запрещает писать ей? – сказал юноша. Клянусь Аллахом, я считаю, что смерть лучше, чем жизнь. Но я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне". "Пиши, а на мне лежит ответ", – сказала старуха. "Клянусь Аллахом, я подвергну опасности свою душу, чтобы достигнуть желаемого, даже погибну, чтобы тебя удовлетворить".

И юноша поблагодарил старуху и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

"Вы мне угрожаете убийством за страсть мою,

Убитым я отдохну, а смерть суждена мне.

Влюбленному смерть приятней, если продлилась жизнь,

И гонят всегда его и вечно ругают.

Придите к влюбленному, защиты лишенному,

Стремленья людей к добру всегда прославляют,

А если решитесь вы на дело, так делайте

Я раб ваш, а все рабы в плену пребывают.

Как быть мне, коль без тебя терпенья не нахожу?

Как сердцу влюбленного при этом быть целым?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Владыки, помилуйте в любви к вам болящего,

Ведь всякий, кто полюбил свободных, – оправдал".

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей два кошелька, в которых было двести динаров, но она отказалась их взять, и юноша стал заклинать ее, и она взяла деньги и сказала: "Я обязательно приведу тебя к желаемому, наперекор носу твоих врагов!"

И старуха пошла и вошла к Хайят–ан–Нуфус и отдала ей письмо, и царевна спросила: "Что это такое, о нянюшка? Мы оказались в обмене посланиями, а ты ходить туда и назад! Я боюсь, что наше дело раскроется, и мы будем опозорены". – "А как так, о госпожа, и кто может говорить такие слова?" – сказала старуха, и девушка взяла у нее письмо, прочитала его и поняла его смысл, и тогда она ударила рукой об руку и воскликнула: "Поразило нас это бедствие! Мы не знаем, откуда пришел к нам этот юноша". "О госпожа, – сказала старуха, – ради Аллаха, напиши ему письмо, но только будь с ним груба в словах и скажи ему: "Если ты пришлешь письмо после этого, я отрублю тебе голову!" – "О нянюшка, – ответила царевна, я знаю, что это таким образом не кончится, и самое подходящее – не писать. И если этот пес не отступится из–за прежних угроз, я огрублю ему голову". – "Напиши ему письмо и осведоми его об этом", – сказала старуха. И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала, угрожая ему, такими стихами:

"О ты, забывающий превратности злой судьбы,

Чье сердце влюбленное желает сближенья,

Взгляни, о обманутый, – достигнешь ли неба ты,

И можешь ли ты достать до месяца светлого,

Я сжарю тебя в огне, где пламя всегда горит,

И будешь мечами ты разящими умерщвлен.

До месяца расстоянье, друг мой, предальнее,

И станет седой глава от дел, здесь таящихся.

Прими же ты мой совет и страсть позабудь свою,

От дел откажись таких, – они не подходят нам"

И она свернула письмо и подала его старухе, а сама была в диковинном состоянии из–за этих слов, и старуха взяла письмо и шла, пока не принесла его юноше. И она отдала ему письмо, и Ардешир взял его и прочитал и опустил голову к земле, чертя по полу пальцем и ничего не говоря. И старуха спросила: "О дитя мое, почему это ты не обращаешься с речью и не даешь ответа?" – "О матушка, – отвечал Ардешир, – что я скажу, когда она угрожает и становится лишь более жестокой и неприязненной?" – "Напиши ей в письме что хочешь, а я буду тебя защищать, и станет твоему сердцу вполне хорошо, и я непременно сведу вас", – сказала старуха. И Ардешир поблагодарил ее за милость и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

"Аллах, защити сердца, к влюбленным не мягкие,

И любящего, сближенья с милым ждущего!

И веки очей, от слез покрытые язвами,

Когда покрывает их спустившейся ночи мрак.

Так сжальтесь и смилуйтесь и будьте щедры к тому,

Кого изнурила страсть в разлуке с любимой!

Лежит он всю ночь, не зная сна или отдыха,

Сгорел он, хоть в море слез давно погрузился он.

Желаний не пресекай ты сердца! Поистине

Тоскует в плену оно, трепещет в руках любви!"

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей триста динаров, говоря: "Это тебе на мытье рук". И старуха поблагодарила его и поцеловала ему руки и отправилась, и она вошла к царевне и отдала ей письмо. И девушка взяла его и прочитала до конца и отшвырнула прочь и поднялась на ноги и пошла в башмачках из золота, украшенных жемчугами и драгоценными камнями. И она прошла во дворец к своему отцу (а жила гнева поднялась у нее меж глаз, и никто не отваживался спросить ее, что с ней) и, придя ко дворцу, спросила, где царь, ее родитель, и невольницы и наложницы сказали: "О госпожа, он выехал на охоту и ловлю".

И она возвратилась, точно кровожадный лев, и ни с кем не заговорила раньше чем через три часа, когда ее лицо прояснилось и утих гнев. И когда старуха увидела, что прошло охватившее ее огорчение и гнев, она подошла к ней и поцеловала землю меж ее рук и спросила: "О госпожа, куда направляла ты свои благородные шаги?" – "Во дворец моего отца", – ответила царевна, и старуха молвила: "О госпожа, а разве никто не мог исполнить твоего повеления?" – "Я выходила только для того, чтобы осведомить его о том, что случилось у меня с этим псом из купцов, и отдать его во власть моему отцу, чтобы он его схватил и всех, кто есть на рынке, и распял бы их на лавках и не позволил бы никому из купцов и чужеземцев оставаться в нашем городе", – отвечала девушка. "Ты ходила к твоему отцу, о госпожа, только по этой причине?" – спросила старуха. И девушка ответила: "Да, но я не нашла его здесь, а увидела, что он отсутствует и выехал на охоту и ловлю, и ожидаю его возвращения". – "Прибегаю к Аллаху, слышащему, знающему! – воскликнула старуха. – О госпожа, слава Аллаху, ты самая умная из людей, и как ты осведомишь царя об этих вздорных словах, которых никому не подобает разглашать?" – "А почему нет?" спросила царевна, и старуха сказала: "Допусти, что ты нашла бы царя в его дворце и осведомила бы его об этих речах, он послал бы за купцами и велел бы их повесить на их лавках, и люди увидели бы их, и все стали бы спрашивать и говорить: "Почему их повесили?" И мы им сказали бы в ответ: "Они хотели испортить царскую дочь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать четвертая ночь

Когда же настала семьсот двадцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала царевне:

"Допусти, что ты осведомишь об этом царя и он прикажет повесить купцов. Разве люди не увидят и не спросят: "Почему их повесили?" – и им не скажут в ответ: "Они хотели испортить дочь царя". И люди станут передавать о тебе разные рассказы, и некоторые скажут: "Она сидела у

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

них десять дней, исчезнув из дворца, пока они ею не насытились", – а другие скажут иное, а честь, о госпожа, как молоко – малейшая пыль ее грязнит, и как стекло – когда оно треснет, его не скрепить. Берегись же рассказывать твоему отцу или кому другому об этом деле, чтобы не опорочить свою честь, о госпожа, и осведомление людей об этом деле не принесет тебе никакой пользы. Разберись в этих словах своим совершенным разумом, и если не найдешь их правильными, делай что пожелаешь".

И когда царевна услышала от старухи эти слова, она обдумала их и нашла до крайности верными и молвила: "То, что ты сказала, о нянюшка, правильно, и гнев ослепил мне сердце". – "Твое намерение прекрасно для Аллаха великого, раз ты никому не расскажешь, – сказала старуха, – но осталась еще одна вещь. Мы не станем молчать о бесстыдстве этого пса, низайшего из купцов. Напиши ему письмо и скажи ему: "О низайший из купцов, если бы не случилось так, что царь отсутствует, я бы тотчас же приказала распять тебя и всех твоих соседей. Ничто из этого тебя не минует. Клянусь великим Аллахом, если ты вернешься к подобным речам, я срежу твой след с лица земли". И будь с ним грубой в речах, чтобы отвратить его от такого дела, и пробуди его от беспечности". – "А разве он отступится от того, что делает, из-за таких слов?" – сказала царевна. И старуха ответила: "А как ему не отступить, когда я поговорю с ним и осведомлю его о том, что случилось?"

И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала юноше такие стихи:

"Надеждою привязался к близости с нами ты

И хочешь от нас теперь желанное получить.

Убит человек бывает лишь слепотой своей,

И то, чего жаждет он, его приведет к беде.

Султаном ведь не был ты и не был наместником.

Ни силы нет у тебя, ни мощных сторонников,

И если бы сделал так один из подобных нам,

От ужасов и боев он стад бы совсем седым,

Но все же прошу теперь я то, что содеял ты,

Быть может, от сей поры во всем ты раскаешься".

И она подала письмо старухе и сказала ей: "О нянюшка, удержи этого пса, чтобы я не отрубила ему голову и мы бы не впали из-за него в грех". И старуха воскликнула: "Клянусь Аллахом, о госпожа, я не оставляю ему бока, чтобы перевернуться".

И она взяла письмо и пошла с ним и, придя к юноше, приветствовала его. И Ардешир возвратил ей приветствие, и тогда она подала ему письмо. И юноша взял его и прочитал и покачал головой и воскликнул: "Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! – А потом сказал: – О матушка, что мне теперь делать, когда малым стало мое терпение и ослабла моя стойкость?" – "О дитя мое, – сказала старуха, – внуши себе терпение: может быть, Аллах свершит после этого дело. Напиши ей то, что у тебя на душе, а я принесу тебе ответ. Успокой свою душу и прохлади глаза, я непременно сведу тебя с ней, если захочет Аллах великий".

И Ардешир пожелал старухе блага и написал девушке письмо, в котором заключались такие стихи:

"Когда не найду в любви и страсти я лекаря,

А страсть убиение и смерть мне приносит,

Мне пламя огня в груди придется тогда терпеть

Порою дневной, а в ночь не лягу на ложе я,

Почто не боюсь тебя, желаний моих предел,

И то, что в любви терплю, терпеть соглашаюсь?

Просил я у господы престола прощенья

Ведь страстью к красавицам повергнут я в гибель,

Чтоб скоро сближение послал он на радость мне,

Ведь ужасами любви теперь поражен я".

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и выложил ей кошелек с четырьмястами динаров, и она взяла все это и ушла. И она пришла к царской дочери и отдала ей письмо, но девушка не взяла его от нее и спросила: "Что это за листок?" И старуха ответила: "Это ответ на письмо, которое ты послала этому псу купцу". – "Ты запрещала ему, как я тебя учила?" – спросила царевна. И старуха молвила: "Да, и вот его ответ".

И царевна взяла от нее письмо и прочитала его до конца, а потом она обернулась к старухе и сказала: "Где же польза от твоих слов?" – "О госпожа, в том, что он говорит в ответе, что отступился и раскаялся и извиняется за прежнее", – ответила старуха. И царевна воскликнула: "Нет, клянусь Аллахом! Наоборот, он еще прибавил!" – "О госпожа, – сказала старуха, – напиши ему письмо, и ты скоро узнаешь, что я с ним сделаю". "Мне пет нужды ни в письме, ни в ответе", – молвила девушка. И старуха воскликнула: "Необходимо ответить, чтобы я его выбранила и пресекла его надежду". – "Пресеки его надежду, не беря с собою письма", – сказала царевна. И старуха молвила: "Чтобы выбранить его и пресечь надежду, мне надо захватить письмо".

И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала Ардеширу такие стихи:

"Продлились укоры, но упрек не сдержал тебя,

А сколько писала я стихов, запрещая!

Скрывай же свою любовь, ее не высказывай,

А будешь послушником, – тебя не покрою.

И если вернешься ты к речам, тобой сказанным,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Глашатай о гибели твоей возвестит нам.

И ветры ты над собой увидишь летящие,

И птицы в песках пустынь к тебе соберутся.

Вернись же к делам благим, – наступит спасение,

А хочешь ты мерзости, – тебя погублю я",

А окончив писать, она бросила листок, гневная, и старуха взяла его и пошла. И она пришла к юноше, и тот взял у нее письмо и, прочитав его до конца, понял, что царевна не смягчилась к нему и стала лишь еще более гневной и что он ее не достигнет. И пришла ему в сердце мысль написать ей ответ и призвать на нее зло, и он написал ей такие стихи:

"Господь, пятью старцами молю я – спаси меня

От той, что повергла меня любовью в несчастья!

Ты знаешь ведь, что во мне любовный огонь горит,

И болея я из–за той, в ком нет ко мне жалости.

Она не смягчается ко мне в моих бедствиях

Продлятся ль над слабостью моей притеснения?

Блуждаю в пучинах я любви и влечения к ней,

Помощника не найду, о люди, чтоб мне помочь.

И часто на ложе сна, как спустится мрак ночной,

Лежу и рыдаю я и тайно и явно.

В любви к вам не вижу я ни в чем утешения,

И как мне утешиться, коль стойкости нет в любви?

О птица разлуки, расскажи мне – свободна ли

Она от превратностей судьбы и несчастья!"

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей кошелек с пятью сотнями динаров, и она взяла листок и ушла. И она вошла к царевне и отдала ей листок, и когда девушка прочитала его и поняла, она бросила его и сказала: "Осведоми меня, о злая старуха, о причине всего того, что случилось со мною из–за тебя и твоих козней и похвал ему! Я пишу для тебя листок за листком, и ты все время носишь от нас послания, так что устроила ему с нами переписку и всякие истории. Ты все время говоришь: "Я избавлю тебя от его зла и прерву его речи к тебе, – но говоришь это только для того, чтобы я написала ему письмо, и ты ходишь между нами туда и сюда, так что опорочила мою честь. Горе вам, эй, слуги, схватите ее!"

И она велела слугам бить старуху, и те били ее до тех пор, пока кровь не потекла из всего ее тела и ее не покрыло беспамятство. И тогда царевна велела невольницам ее вытащить, и старуху вытащили за ноги в конец дворца. И царевна приказала одной из невольниц стоять возле старухи и, когда она очнется от забытья, сказать ей: "Царевна дала клятву, что ты не вернешься в этот дворец и не войдешь в него, а если ты вернешься, она велит тебя убить, разрубив на куски". И когда старуха очнулась от забытья, невольница передала ей, что сказала царевна, и старуха ответила: "Внимание и повиновение!" А потом невольницы принесли корзину и велели носильщику снести старуху к ней, и носильщик поднял старуху и доставил ее домой, и царевна послала к ней лекаря и велела ему заботливо лечить старуху, пока она не поправится. И лекарь послушался ее приказания, и когда старуха оправилась, она села и поехала к юноше, а тот сильно опечалился из–за того, что она его покинула, и тосковал по вестям о ней. И, увидев старуху, он поднялся и встал для нее и встретил ее и пожелал ей мира, и увидел, что она ослабела. И он спросил ее, что с ней, и старуха рассказала ему обо всем, что случилось у нее с царевной, и юноше стало из–за этого тяжело, и он ударил рукою об руку и воскликнул: "Клянусь Аллахом, тяжело мне то, что с тобою случилось! Но какова причина того, о матушка, что царевна ненавидит мужчин?"

"О дитя мое, – сказала старуха, – знай, что у нее прекрасный сад, лучше которого нет на лице земли, и случилось, что она спала в нем в одну ночь из ночей. И когда царевна была в сладком сне, она вдруг увидела сновидение: как спустилась она в сад и заметила охотника, который расставил сети и рассыпал вокруг пшено и сел поодаль, смотря, какая попадет в сети дичь. И прошло не более часа, и собрались птицы, подбирая пшено, и попала в сети птица–самец и стала в них биться. И птицы разлетелись от него, и в числе их была его самка, но она удалилась от него на недолгое время и вернулась к нему я, подлетев к сети, стала трудиться над той петелькой, в которую попала нога птицы, и до тех пор старалась над ней клювом, пока не разорвала ее и не освободила своего самца. А охотник при всем этом сидел и дремал. И он очнулся и посмотрел на сеть и, увидев, что она испорчена, поправил ее и снова рассыпал пшено и сел вдалеке от сети. И через некоторое время птицы собрались возле нее, и в числе их была та самка с самцом. И птицы подошли клевать зернышки, и вдруг самка попала в сеть и стала в ней биться, и все голуби отлетели от нее, и среди них был ее самец, которого она спасла, и он к ней не вернулся. А охотника одолел сон, и он проснулся только через долгое время, и, проснувшись от сна, он увидел птицу, которая была в сети, и поднялся и, подойдя к ней, высвободил ее ноги из сети и убил ее. И царевна проснулась, испуганная, и сказала: "Так–то поступают мужчины с женщинами! Женщина жалеет мужчину и бросается к нему, когда он в беде, а потом, когда определит ей владыка и она попадает в беду, мужчина проходит мимо нее, не освобождая ее, и пропадает благо, которое она ему сделала. Прокляни же Аллах того, кто доверяется мужчинам! Они не помнят блага, которое оказывают им женщины". И с того дня она стала ненавидеть мужчин".

"О матушка, – спросил царевич старуху, – разве она никогда не выходит на дорогу?" – "Нет, о дитя мое, – отвечала старуха, – но у нее есть сад (а это лучшее место для прогулок в наше время), и каждый год, когда созреют в нем плоды, она сходит и гуляет там один день. А ночует она только в своем дворце и входит в сад только через потайную дверь, которая ведет в сад. Я хочу кое–чему научить тебя, и если захочет Аллах, для тебя будет в этом благо. Знай, что до времени плодов остался один месяц, и тогда царевна спустится погулять в сад, и я наказываю тебе: сегодня же пойди к садовнику этого сада и завяжи с ним дружбу и любовь. Он не дает никому из созданий Аллаха великого войти в этот сад, так как он примыкает ко дворцу царевны, а когда царевна сойдет в сад, я осведомлю тебя об этом за два дня, и ты пойдешь ту да, по твоему обычаю, и войдешь в сад и ухитришься там переночевать. И когда царевна сойдет, ты спрячешься в каком–нибудь месте..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала семьсот двадцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха научила царевича и сказала ему: "Царевна спустится в сад, и за два дня до ее выхода я уведомя тебя. И когда она спустится, ты будешь там и спрячешься в каком–

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

нибудь месте. Когда ты увидишь ее – выходи к ней; увидев тебя, она тебя полюбит, а любовь покрывает все. И знай, о дитя мое, что, если бы она тебя увидела, она бы наверное пленилась любовью к тебе, так как ты красив видом. Прохлади же глаза и успокой свою душу, о дитя мое, – я непременно сведу тебя с нею".

И царевич поцеловал старухе руку и поблагодарил ее и дал ей три отреза александрийского шелка и три отреза атласа разных цветов, и с каждым отрезом был и другой кусок на шальвары и платок на повязку и баальбекская материя на подкладку, так что у старухи оказались три полных перемены платья, одна лучше другой. И царевич дал ей кошелек с шестьюстами динаров и сказал: "Это на шитье". И старуха взяла все это и спросила: "О дитя мое, хочешь ли ты знать дорогу к моему дому, и чтобы я тоже знала, где ты живешь?" И царевич отвечал: "Да". И послал с ней невольника, чтобы тот узнал, где ее жилище, и показал ей его дом. И когда старуха отправилась, царевич вышел и велел своим слугам запирать лавку и пошел к везиру и осведомил его о том, что случилось у него со старухой, от начала до конца, и, услышав слова царевича, везирь сказал: "О дитя мое, а если Хайят-анНуфус выйдет и не будет тебе от нее благоприятной встречи, что ты тогда сделаешь?" – "У меня не будет в руках иной хитрости, как перейти от слова к делу, – ответил царевич. – Я подвергну себя с нею опасности и похищу ее среди ее слуг и посажу ее, сзади, на моего коня и направлюсь с ней в ширь пустынной степи, и если я спасусь, – желаемое достигнуто, а если погибну, то отдохну от этой жалкой жизни". – "О дитя мое, – сказал везирь, – разве с таким умом ты проживешь? Как мы поедем, когда между нами и нашей страной далекое расстояние, и как ты сделаешь такие дела с царем из царей времени, под властью которого сто тысяч поводьев? Нам, может быть, грозит, что он прикажет кому-нибудь из своих войск пресечь нам дороги. Это не полезное дело, и его не совершит разумный". – "Как же поступить, о везирь благого разума? Я несомненно умру", – молвил царевич, и везирь сказал: "Потерпи до завтра, пока мы не увидим этого сада и не узнаем, каковы там обстоятельства и что произойдет у нас с садовником".

И когда наступило утро, везирь поднялся с царевичем и положил за пазуху тысячу динаров, и они шли, пока не дошли до сада, и увидели, что стены его высоки и крепко сложены, и деревья в нем многочисленны, и каналы полноводны, и плоды прекрасны, и цветы в нем благоухали, и птицы в нем распевали, и был он подобен саду из райских садов. А за воротами его был человек – престарелый старец, который сидел на скамье. И когда он увидел их и заметил их почтенный вид, он поднялся на ноги, после того как они пожелали ему мира, и вернул им пожелание и сказал: "О господа мои, может быть, у вас есть нужда, которую я почту за честь исполнить?" И везирь ответил: "Знай, о старец, что мы люди чужеземные, и зной опалил нас, и жилище наше далеко, в конце города. Мы желаем, чтобы ты, твоя милость, взял эти два динара и купил нам чего-нибудь поесть и открыл бы нам ворота этого сада, и мы бы могли посидеть в тени, где есть холодная вода, и прохладиться, пока ты принесешь нам еду. Мы поедем с тобою и тем временем отдохнем и уйдем своей дорогой".

И потом везирь сунул руку за пазуху и, вынув два динара, положил их в руку садовника, а этому садовнику было семьдесят лет жизни, и он не видывал у себя в руке ничего такого. И когда он увидал динары в своей руке, его разум улетел, и он сейчас же поднялся и отпер ворота и ввел везира с юношей и посадил их под дерево, покрытое плодами и дававшее большую тень, и сказал: "Сидите в этом месте, но ни за что не входите в сад. Там есть потайная дверь, которая ведет в дворец царевны Хайят-анНуфус". – "Мы не сойдем с места", – сказали они ему.

И старик садовник пошел купить им то, что они велели, и отсутствовал некоторое время, а потом он пришел к ним с носильщиком, у которого на голове был жареный барашек и хлеб, и они поели вместе и выпили и поговорили немного, а потом везирь осмотрелся и стал оборачиваться направо и налево, смотря во все стороны сада, и увидел в глубине его дворец, который был высоко построен, но обветшал, и со стен его облупилась известка, и углы его обвалились. "О старец, – спросил тогда везирь, – этот сад твоя собственность или ты его нанимаешь?" – "О владыка, – ответил садовник, – он не моя собственность, и я его не нанимаю. Я его только сторожу". – "А какое у тебя жалованье?" – спросил везирь. И садовник ответил: "О господин, каждый месяц – динар". – "Тебя обидели, особенно если ты семейный", – сказал везирь. И старец воскликнул: "Клянусь Аллахом, о господин, у меня семья – восьмеро детей да я сам". – "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул везирь. – Клянусь Аллахом, ты обременил меня своей заботой, о бедняга! Но что ты скажешь о том, кто сделает с тобой благое ради твоей семьи, которая с тобою?" – "О владыка, – отвечал старец, – что бы ты ни сделал благого, это будет для тебя сокровищем у Аллаха великого". – "Знай, о старец, – сказал везирь, – что этот сад – красивое место и в нем стоит этот дворец, но только он ветхий, развалившийся. Я хочу его поправить и выбелить и выкрасить, чтобы это место стало самым прекрасным во всем саду. И когда придет хозяин сада и увидит, что дворец отстроен и стал красивым, он непременно спросит тебя, кто его отстроил, и если он тебя спросит, скажи ему: "Это я, о владыка, его отстроил. Я видел, что он развалился и никто им не пользуется и не может в нем жить, так как он разрушен и заброшен, и вот я и отстроил его и потратился". А если он тебе скажет: "Откуда у тебя деньги, которые ты на него истратил?" – скажи: "Из моих собственных денег. Я хотел обелить перед тобою лицо и надеялся на твою милость". И он непременно наградит тебя за то, что ты потратил на дворец. А завтра я позову строителей, штукатуров и маляров, чтобы они привели это место в порядок, и дам тебе то, что обещал". И он вынул из-за пазухи мешок, в котором было пятьсот динаров, и сказал садовнику: "Возьми эти динары и трать их на твою семью, и пусть они призовут благо на меня и на моего сына". И царевич спросил его: "Какая этому причина?" И везирь сказал: "Тебе скоро станет ясна польза от этого..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала семьсот двадцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь дал старику садовнику, который был в саду, пятьсот динаров и сказал ему: "Возьми эти динары и их накорми семью" и пусть они призовут благо на меня и на моего сына". И старик посмотрел на золото, и его ум вышел, и он бросился к ногам везира и стал их целовать, желая блага везиру и его сыну, а когда они уходили, он сказал им: "Завтра я буду вас ожидать, и пусть не разлучит меня с вами Аллах великий ни ночью, ни днем!"

И наступил следующий день, и везирь пошел на то место и велел позвать начальника строителей. И когда тот явился, везирь взял его и отправился в сад, и, увидев его, садовник обрадовался. А везирь дал начальнику денег на содержание рабочих и на то, что им было нужно для починки дворца, и они его отстроили, побелили и покрасили, и тогда везирь сказал малярам: "О мастера, прислушайтесь к моим словам и поймите мою цель и намерения. Знайте, что у меня есть сад, такой же, как это место, и я спал в нем однажды ночью и увидел во сне, что охотник расставил сети и рассыпал вокруг них пшено. И собрались птицы, чтобы клевать пшено, и попал один самец в сеть, и все птицы разлетелись от него, и между ними была самка этого самца. И самка исчезла на некоторое время, а потом вернулась одна и разорвала петлю, в которой была нога самца, и освободила его, и он улетел. А охотник в это время спал, и, проснувшись от сна, он увидел, что сеть не в порядке, и поправил ее, и снова, во второй раз, насыпал пшено и сел поодаль, ожидая, пока в его сеть попадет дичь. И птицы прилетели клевать зерно и подошли к сети, и самка была среди них, и она запуталась в сети, и улетели от нее все птицы, среди которых был и ее самец. И он не вернулся к ней, и охотник подошел и взял птичку и зарезал ее. А что касается самца, то, когда он улетел с птицами, его схватил хищник из хищников и убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И я желаю от вас, чтобы вы нарисовали мне весь этот сон в том виде, как я вам говорил, хорошим маслом. Изобразите эту картину в саду, с его стенами, деревьями и птицами, и нарисуйте изображение охотника и его сети и все, что случилось у самца с хищником, когда тот его схватил. И когда вы сделаете то, что я вам объяснил, и я увижу картину и она мне понравится, я награжу вас, сверх платы, тем, что обрадует вас сердце". И когда маляры услышали слова везира, они стали трудиться над раскраской и сделали ее совершенной до предела. И когда это было кончено и завершено, они показали картину везиру, и она ему понравилась, и он увидел, что сон, который он описал малярам, нарисован словно это на самом деле, и поблагодарил их и наградил обильными наградами.

А потом пришел царевич, по своему обычаю, и подошел к этому дворцу (а он не знал о том, что сделал везирь) и посмотрел на него, и увидел изображение сада и охотника, сети, и птиц, и самца, который был в когтях хищника, и тот убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И смутился ум царевича, и он вернулся к везиру и сказал ему: "О везирь благого разума, я увидел сегодня такое чудо, что, будь оно написано иглами в уголках глаза, оно было бы назиданием для поучающихся". – "А каково оно, о господин?" – спросил везирь, и юноша ответил: "Рассказывал ли я тебе о сне, который видела царевна, и о том, что он был причиной ее ненависти к мужчинам?" – "Да, рассказывал", – отвечал везирь. И юноша воскликнул: "Клянусь Аллахом, о везирь, я увидел этот сон изображенным среди того, что нарисовано здесь маслом, так, будто вижу его воочию, и увидал я нечто другое, что осталось скрытым от царевны и чего она не видела, и на это следует опираться, чтобы достичь желаемого!" – "А что же это, о дитя мое?" – спросил везирь. И юноша сказал: "Я увидел, что самца, который улетел от самки, когда она попала в сеть и не вернулся к ней, схватил хищник и убил его и выпил его кровь и съел его мясо. О,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

если бы царевна увидела весь сон целиком и всю историю до конца и увидала бы, что самца схватил хищник, и в этом причина того, что он не вернулся к самке и не освободил ее из сети!" – "О счастливый царь, – воскликнул везирь, – клянусь Аллахом, это поистине дивное дело, и принадлежит оно к диковинам!" А царевич дивился этому рисунку маслом и жалел, что царевна не увидела сна до конца, и говорил про себя: "О, если бы она увидала этот сон до конца или увидала бы его целиком второй раз, хотя бы в пучках сновидений!" А везирь сказал ему: "Ты спрашивал меня: "Почему ты строишь в этом месте?" И я ответил: "Тебе станет ясна польза от этого". И теперь тебе стало ясно, в чем тут польза. Это я сделал такое дело, и я велел малярам изобразить тот сон и нарисовать самца в когтях хищника, который убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И когда царевна спустится и посмотрит на этот рисунок, она увидит изображение " на и увидит самца, которого убил хищник, и простит его и перестанет ненавидеть мужчин".

И царевич, услышав эти слова, поцеловал везирию руки и поблагодарил его за его дело и воскликнул: "Подобный тебе да будет везирем царя величайшего! Клянусь Аллахом, если я достигну желаемого и вернусь радостный к царю, я осведомлю его об этом, чтобы он оказал тебе еще большее уважение и возвысил твой сан и слушал бы твои слова". И везирь поцеловал у него руку, и потом они пошли к старику садовнику и сказали ему: "Посмотри на это место – как оно прекрасно!" И старик воскликнул: "Все это по вашему счастью!" – "О старец, – сказали они потом, – если спросят тебя хозяева этого места, кто отстроил этот дворец, скажи им: "Я отстроил его на свои деньги, чтобы досталось тебе благо и награда". И старик отвечал: "Слушаю и повинуюсь".

И царевич не оставлял этого старика, и вот что случилось с везирем и царевичем.

Что же касается Хайят–ан–Нуфус, то, когда прекратились письма к ней и послания и исчезла старуха, она обрадовалась сильной радостью и подумала, что юноша уехал в свою страну. И когда наступил какой–то день, принесли ей покрытое блюдо от ее отца. И, открыв его, она нашла в нем прекрасные плоды. И она спросила и сказала: "Разве пришло время для этих плодов?" И ей ответили: – "Да". И тогда она воскликнула: "Что, если бы мне приготовиться к прогулке в саду!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала семьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царевна, когда ее отец послал к ней плоды, спросила и сказала: "Разве пришло время этих плодов?" И ей ответили: "Да".

И тогда она воскликнула: "Что, если бы нам приготовиться к прогулке в саду!" И ее невольницы сказали ей: "Прекрасная мысль, о госпожа! Клянемся Аллахом, мы стосковались по этому саду". И царевна спросила: "Как же поступить? Ведь каждый год нас водит по саду и показывает нам в нем разные деревья только няня, а я прибила ее и запретила ей ходить ко мне. Я раскаиваюсь в том, что из–за меня с нею было, так как она, при всех обстоятельствах, моя няня и я обязана ей воспитанием. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!"

И когда невольницы услышали от царевны такие слова, они все поднялись и поцеловали землю меж ее рук и сказали: "Ради Аллаха, о госпожа, прости ее и прикажи ее привести!" И царевна ответила: "Клянусь Аллахом, я решилась на это дело! Кто же из вас пойдет к ней? Я приготовила ей роскошную одежду".

И подошли к царевне две невольницы, одну из которых звали Бульбуль, а другую звали Савад–аль–айн [601] (а это были старшие невольницы царевны и приближенные к ней, и они обладали красотой и прелестью), и сказали: "Мы пойдем к ней, о царевна". И девушка молвила: "Делайте, что вам вздумается!"

И они пошли к дому няньки и постучали в ворота и вошли к ней, и, узнав их, старуха встретила их объятиями и приветствовала их, и когда невольницы уселись, они сказали: "О нянюшка, царевна произнесла прощение и смиловалась над тобой". И старуха воскликнула: "Не будет этого никогда, хотя бы меня напоили из чаш смерти! Разве я забыла, как меня пытали перед любящими и ненавистниками, когда окрасилась моя одежда кровью и я чуть не умерла от жестоких побоев, а затем меня потащили за ноги, точно дохлую собаку, и выбросили за ворота! Клянусь Аллахом, я не вернусь к ней никогда и не наполню моих глаз ее видом!" И невольницы сказали ей: "Не делай нашего старания напрасным! Где же твое уважение к нам? Посмотри, кто к тебе явился и вошел к тебе, – разве ты хочешь кого–нибудь, кто выше нас по положению у царевны?" И старуха воскликнула: "Прибегаю к Аллаху! Я знаю, что мой сан меньше вашего, но только царевна возвысила мой сан в глазах своих невольниц и слуг, и когда я сердилась на самую старшую из них, она умирала живьем". – "Дело осталось как было и ни в чем не изменилось – напротив, оно еще лучше, чем ты думаешь, – сказали невольницы. – Царевна унизилась перед тобой и ищет мира без посредников". – "Клянусь Аллахом, – воскликнула старуха, – если бы не ваш приход ко мне, я бы к ней не вернулась, хотя бы она приказала меня убить!"

И невольницы поблагодарили ее за это, и старуха тотчас же поднялась и надела свою одежду и вышла с ними. И они шли вместе, пока старуха не вошла к царевне, и когда она вошла к ней, царевна поднялась на ноги, а нянька воскликнула: "Аллах, Аллах, о царевна, – ошибка от меня или от тебя?" – "Ошибка от меня, а прощение и милость – от тебя, – сказала царевна. – Клянусь Аллахом, о нянюшка, твой сан у меня высок, и я обязана тебе воспитанием. Но ты знаешь, что Аллах – велик он и славен! – определил тварям четыре вещи: сотворение, жизнь, надел и срок, и не во власти человека отвратить приговор. Я не совладала со своей душой и не могла удержать ее, и я раскаялась в том, что сделала, о нянюшка!"

И тогда прошел гнев, охвативший старуху, и она поднялась и поцеловала землю меж рук царевны, и та приказала подать роскошную одежду и облачила в нее старуху, и старуха до крайности обрадовалась этой одежде, – ведь евнухи и невольницы стояли перед ней. И когда собрание закончилось, царевна спросила: "О нянюшка, как обстоит дело с плодами и нашими плодовыми рощами?" И старуха ответила: "Клянусь Аллахом, о госпожа, я видела большинство плодов в городе, и сегодня я разузнаю об этом деле и дам тебе ответ". И она вышла от царевны, удостоившись величайшего почета, и отправилась и пришла к царевичу, и гот радостно встретил старуху и обнял ее и возвеселился из–за ее прихода. И сердце его расправилось, так как он долго ожидал, когда ее увидит. И старуха рассказала ему о том, что случилось у нее с царевной, и о том, что царевна хочет спуститься в сад в такой–то день..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала семьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха пришла к царевичу и рассказала ему о том, что у нее случилось с царевной Хайят–ан–Нуфус и о том, что та спустится в сад в такой–то день, и спросила: "Сделал ли ты то, что я тебе велела с привратником сада и достигло ли его что–нибудь из твоей милости?" – "Да, – отвечал царевич. – Он стал моим другом, и его путь мой путь, и у него на уме, чтобы случилось у меня какое–нибудь до него дело". И потом он рассказал ей, что произошло у него с везирем и как тот велел нарисовать сон, виденный царевной, и дело с охотником, сетью и хищником, и когда старуха услышала его речи, она обрадовалась сильной радостью и сказала царевичу: "Заклинаю тебя Аллахом, пусть будет твой везирь посредине своего сердца – его поступки указывают на полноту его ума, и он помог тебе в достижении желаемого. Поднимайся сейчас же, о дитя мое, сходи в баню и надень самую роскошную твою одежду – у нас не осталось хитрости больше этой – и ступай к привратнику и сделай с ним хитрость, чтобы он дал тебе переночевать в саду – если бы ему наполнили всю землю золотом, он бы не дал никому войти в сад. А когда войдешь, спрячься, чтобы не видели тебя глаза, и сиди, спрятавшись, пока не услышишь, как я скажу: "О тайно милостивый, спаси нас от того, что нас страшит!" И тогда выйди из–под прикрытия и покажи свою красоту и прелесть и спрячься между деревьями, ведь твоя красота смущает луны. Когда царевна Хайят–ан–Нуфус увидит тебя, ее сердце и члены наполнятся любовью к тебе и ты достигнешь того, чего хочешь и желаешь, и забота твоя пройдет". И юноша сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И вынул кошелек, в котором была тысяча динаров, и старуха взяла его и ушла. А царевич в тот же час и минуту вышел и пошел в баню и вымылся и надел лучшую одежду из одежд царей Хосроев и подпоясался поясом, в который он набрал всяких драгоценных камней, и надел тюрбан, вышитый нитками червонного золота и окаймленный жемчугом и яхонтами. И щеки его горели, и уста его алели, и глаза его пленяли газелей, и он покачивался словно

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

захмелевший, и покрыла его красота и прелесть, и позорил ветви его гибкий стан.

И царевич положил за пазуху мешок, в котором была тысяча динаров, и пришел к саду. Он постучал в ворота, и привратник откликнулся и отпер ворота и, увидав царевича, сильно обрадовался и приветствовал его самым пышным приветом. И он увидел, что лицо юноши нахмурено, и спросил его, что с ним, и царевич сказал: "Знай, о старец, что я у моего отца в почете и он никогда не касался меня рукой до сегодняшнего дня. У нас с ним случился разговор, и он выбранил меня и ударил меня по лицу и побил палкой и выгнал, и я не знал ни одного друга и испугался обмана времени, а ты знаешь, что гнев родителей – дело не маленькое. И я пришел к тебе, о дядюшка, – мой отец о тебе осведомлен, – и хочу от твоей милости, чтобы я мог остаться в саду до конца дня или переночевать в нем, пока не исправит Аллах дело между мной и моим отцом".

И когда садовник услышал слова юноши, он огорчился из-за того, что случилось у него с отцом, и сказал: "О господин, позволишь ли ты мне сходить к твоему отцу и пойти к нему и быть причиной примирения между вами?" И юноша сказал: "О дядюшка, знай, что у моего отца нрав непосильный, и если ты заговоришь с ним о мире, когда он будет в пылу гнева, он к тебе не повернется". – "Слушаю и повинуюсь! – сказал садовник. – Но пойдем, о господин, со мною ко мне домой – я положу тебя на ночь между детьми и женой, и никто нас не осудит". – "О дядюшка, я всегда остаюсь один, когда я в гневе", – отвечал царевич, и садовник сказал: "Мне тяжело, что ты будешь спать один, в саду, когда у меня есть дом". – "О батюшка, я делаю это с целью, чтобы прошел у меня приступ гнева, и я знаю, что мой отец простит меня из-за этого и его сердце ко мне смягчится", сказал царевич. "Если уж это неизбежно, – молвил садовник, – я принесу тебе постель, чтобы на ней спать, и одеяло, чтобы покрыться". – "О дядюшка, в этом нет дурного", – ответил царевич. И старик поднялся и отпер ворота сада и принес ему постель и одеяло (а старик не знал, что царевна хочет выйти в сад).

Вот что было с царевичем. Что же касается до няньки, то она отправилась к царевне и рассказала ей, что плоды стали хороши на деревьях, и девушка сказала: "О няня, сойдем со мной в сад и погуляем завтра, если захочет Аллах великий. Пошли к сторожу и осведоми его, что мы будем завтра у него в саду". И старуха послала сказать садовнику, что царевна будет завтра у него в саду и чтобы он не оставлял в саду поливальщиков или рабочих и не давал никому из всех созданий Аллаха войти в сад. И когда пришло к старику известие от царевны, он привел протоки в порядок и встретился с царевичем и сказал ему: "Царевна – владелица этого сада, и ты, о господин мой, простишь, и это место – твое место, а я живу только твоими милостями, но мой язык у меня под ногами. И я уведомляю тебя, что царевна Хайят-ан-Нуфус хочет спуститься в сад завтра в начале дня и приказала мне не давать никому в саду ее увидеть. И я хочу от твоей милости, чтобы ты вышел сегодня из сада; царевна останется здесь только сегодняшний день до полуденного времени, а потом сад будет твой на месяцы, века и годы". – "О старец, – сказал царевич, – может быть, тебе досталось из-за нас дурное?" И садовник воскликнул: "Нет, клянусь Аллахом, о мой владыка, мне достался из-за тебя один почет!" И тогда юноша молвил: "Если так, то тебе достанется от нас только всяческое благо. Я спрячусь в этом саду, и никто меня не увидит, пока царевна не уйдет к себе во дворец". – "О господин, – сказал садовник, – если она увидит тень человека из созданий Аллаха великого, она отрубит мне голову..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала семьсот двадцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старик сказал юноше: "Когда царевна увидит тень человека, она отрубит мне голову". И юноша молвил: "Я не дам никому увидеть себя вообще и совершенно. Нет сомнения, что тебе сегодня не хватает на расходы для твоей семьи". И он протянул руку к мешку и вынул оттуда пятьсот динаров и сказал старику: "Возьми это золото и трать на твоих родных, и пусть твое сердце за них успокоится". И когда старик взглянул на золото, его душа стала для него ничтожной, и он подтвердил царевичу, чтобы тот не появлялся в саду, и оставил его сидеть там. И вот что было с садовником и сыном царя.

Что же касается царевны, то, когда наступило утро следующего дня, к ней вошли ее слуги и она приказала открыть потайную дверь, которая вела в сад, где стоял дворец, и надела царственную одежду, украшенную жемчугом, яхонтами и драгоценностями, и под одежду она надела тонкую рубашку, украшенную яхонтами, а под всем этим было то, что бессилен описать язык, от чего смущается душа и от любви к чему становится храбрым трус. А на голове у нее был венец из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, и она ходила в башмачках со свежим жемчугом, сделанных из червонного золота и украшенных драгоценными камнями и металлами. И она положила руку на плечо старухи и велела выходить через потайную дверь, и вдруг старуха посмотрела в сад и увидела, что он наполнился слугами и невольницами, которые ели плоды и мутили каналы, желая насладиться в этот день игрой и прогулкой, и сказала царевне: "Ты обладаешь обильным умом и полной сообразительностью и знаешь, что тебе не нужны в саду эти слуги. Если бы ты выходила из дворца твоего отца, их выход с тобою был бы, конечно, для тебя почетом, но ведь ты, о госпожа, выходишь через потайную дверь в сад, так что не видит тебя никто из тварей Аллаха великого". – "Ты права, о нянюшка. Как же нам поступить?" – спросила царевна, и старуха сказала ей: "Прикажи слугам, чтобы они вернулись. Я говорю тебе об этом только из уважения к царю". И царевна велела слугам вернуться, и нянька сказала ей: "Остались еще некоторые слуги, которые хотят порчи на земле; отпусти их и оставь при себе только двух невольниц, чтобы мы повеселились с ними". И когда нянька увидела, что сердце царевны прояснилось и время стало для нее безоблачным, она сказала: "Вот теперь мы сделаем хорошую прогулку. Пойдем сейчас в сад". И царевна поднялась и положила руку няньке на плечо и вышла через потайную дверь, и ее невольницы шли перед нею, и царевна смеялась над ними, покачиваясь в своих одеждах. А нянька шла впереди нее и показывала царевне деревья и кормила ее плодами. И она ходила с места на место и шла до тех пор, пока не дошла до дворца. И когда царевна посмотрела на него, она увидела, что он обновлен, и воскликнула: "О нянюшка, разве ты не видишь, что колонны дворца построены и стены выбелены?" – "Клянусь Аллахом, о госпожа, – сказала нянька, – я слышала разговоры, будто садовник взял у некоторых торговцев материю и продал ее и купил на вырученные деньги кирпича, известки, гипса, камней и прочего, и я спросила его, что он с этим сделает, и он сказал мне: "Я отстроил дворец, который был заброшен", а потом старик говорил: "Купцы потребовали с меня то, что я им должен, и я сказал им: "Вот царевна спустится в сад и увидит постройку, и она ей понравится. И когда царевна придет, я возьму то, что она мне пожалует, и отдам купцам долг и все, что им следует". И я спросила его: "Что побудило тебя к этому?" И он сказал мне: "Я увидел, что дворец развалился и колонны его разрушены и штукатурка на нем облупилась, и ни в ком не видел я щедрости, чтобы отстроить его. И тогда я занял денег на свой страх и отстроил его и надеюсь, что царевна сделает то, что ее достойно". И я сказала ему: "Царевна вся – благо и возмещение". И он сделал все это, только желая от тебя милости". – "Клянусь Аллахом, – воскликнула царевна, – он отстроил дворец из благородства и сделал дело великодушных! Позови ко мне казначейшу!"

И нянька позвала казначейшу, и та тотчас же явилась к царевне, и царевна приказала ей дать садовнику две тысячи динаров, и старуха послала к садовнику человека, и посланный, придя к нему, сказал: "Тебе надлежит исполнить приказание царевны". И когда садовник услышал от посланного эти слова, суставы его задрожали, и сила его ослабла, и он сказал про себя: "Нет сомнения, что царевна увидела юношу, и будет этот день для меня днем самым злосчастливым". И он вышел и пошел домой и осведомил обо всем свою жену и детей и сделал завешание и простился с ними, и они стали его оплакивать, а он пошел и остановился перед царевной, и лицо его было как шафран, и он едва не падал во всю длину. И старуха заметила это и помогла ему словами и сказала: "О старец, целуй землю, благодари Аллаха великого и вознеси молитвы за царевну. Я осведомила ее о том, что ты сделал, отстроив заброшенный дворец, и она обрадовалась и пожаловала тебе за это две тысячи динаров. Возьми их у казначейши и молись за царевну и поцелуй перед ней землю, а потом возвращайся своей дорогой".

И садовник, услышав от няньки эти слова, взял две тысячи динаров и поцеловал землю меж рук царской дочери и пожелал ей блага, а потом он вернулся в свое жилище, и его родные обрадовались и пожелали блага тому, кто был причиной всего этого дела..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.